

Иосиф Дзялошинский,
Председатель совета директоров
Независимого института коммуникативистики

СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Проблема «СМИ в пространстве культуры» стала в последнее время чрезвычайно популярной. Проводятся конференции, выходят книги и статьи. Общая тональность разговора – СМИ губят культуру.

Вот лишь один пример. Некто В. Татарников пишет:

«РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА НУЖДАЕТСЯ В РЕАНИМАЦИИ

За десятилетия "реформ" культура так же, как экономика, пришла в кризисное состояние, в упадок. Мы были свидетелями невиданного по бессмысленности и безжалостности разрушения государства и его культуры.

Кризис культуры в России, видимо, связан с разрушением прежнего общественно-политического уклада, резкой сменой ориентаций, укоренившихся в нескольких поколениях людей. Для большинства народа произошло крушение их страны, их многолетнего труда и творчества. Произошло не только разрушение культуры, а насильственное расчленение нации. Гигантский прилив низкопробной западной культуры обрушился на российский народ.

Мы наивно надеялись, что нас допустили к западному серебряному кранику с чистой ключевой водой западной культуры, а нам открыли огромный канализационный вентиль, из которого хлынула зловещая вонючая жижица, которая стала сокрушать российскую национальную культуру. Началась переориентация многих учреждений культуры, загромождение рынков порнографической "литературой", сборниками анекдотов, блатных песен, энциклопедией русского мата, целых развалов уголовных бестселлеров, порножурналов, газет и прочее.

Происходит тотальное вытравливание из жизни лучших образцов советской литературы, искусства, образования, науки. В регионах и центре произошло повсеместное обвальное сокращение бюджетных ассигнований на культуру. Многие театры, музеи, библиотеки, спортзалы или закрываются, или сдаются под склады для товаров. Русская культура утрачивала свой дух, вытеснялась западной, американской. Все это творилось с культурой при президенте Ельцине, руководстве страны, реформаторах - это преступление. Спрашивается, это делалось умышленно или по недомыслию. Скорее всего, это была "культурная политика", стратегия уничтожения русской культуры?

А ведь культура формирует человека, его внутренний мир, сохраняет моральные ценности и нормы поведения, верования и обряды, обычаи и установления, язык и искусство. Культура делает человека содержательным и духовно богатым, наконец, культура формирует не только человека, но и государство.

Стремление президента Путина изменить культурную политику натолкнулась на тотальное сопротивление олигархов - владельцев телеканалов, газет и прочих СМИ. Нынешние СМИ нагнетают в обществе страх и неуверенность в завтрашнем дне, максимально тиражируют катастрофы, ввергают общество в стресс. Новости на телевидении - это взрывы, пожары, убийства, кровь, мордобои, стрельба, порно. Олигархи и их подручные - владельцы телеканалов подняли истерический визг об угрозе, нависшей над СМИ, над свободой слова. Они требуют, чтобы государство не вмешивалось в дела коммерческих каналов, дало им полную свободу по оболваниванию слушателей, дезинформации населения.

Представляется, что президент, государство должны четко определиться в области политики культуры, спасти ее от грязных рук дельцов и олигархов. Разумеется, государство должно иметь свои радио, телеканалы и прочие СМИ для того, чтобы провести реанимацию нашей культуры, поставить ее на ноги.

Опираясь на народ, государство обязано проводить свою культурную политику, независимую от олигархов и горе-"реформаторов", должно поставить барьеры на пути "массовой культуры" Запада».¹

И на нашей встрече уже прозвучало достаточно много инвектив в адрес СМИ. Однако прежде чем обвинять или защищать, надо бы разобраться. И прежде всего с содержанием самого понятия «культура».

Существует множество определений и толкований этого понятия и здесь не место их анализировать. Напомню лишь, что по одной из гипотез, термин культура происходит от латинского слова "culture" – что в переводе означает "возделывание земли, уход".² Первоначальное понятие культуры, существовавшее в древних цивилизациях Китая (понятие "жень") и Индии (понятие "дхарма") означало прежде всего целенаправленное воздействие человека на окружающую его природу. Включало оно также и воспитание и обучение самого человека. В любом случае так понимаемая культура есть внутренняя основа некоей технологии, совокупность эталонов, критериев и процедур, задающих направления и алгоритмы социально одобряемого поведения и эффективной деятельности. Или, по-другому, культура – это совокупность знаний, ценностей, норм, обеспечивающих приспособление человека к окружающей среде или преобразование этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями. Сложившиеся на сей момент культуры отражают ту действительность, в которой ранее жили этносы и социальные группы и к которым они ранее достаточно эффективно приспосабливались.

Понятно, что так понимаемая культура всегда привязана к определенному социальному или географическому ареалу, то есть имеет свое пространство, в рамках которого действуют определенные культурные императивы. Другими словами, речь идет о некой реальной или виртуальной территории, население которой признает власть определенной культурной системы. Спасибо господину Прохорову за то, что он поднял эту тему. Так было всегда и казалось, что так будет всегда.

Понятно, что по мере изменения внешней среды внутри культуры появляются новые знания, ценности, и нормы, более эффективные в новых условиях, нежели те, на которые субъект опирался раньше. Если внешняя среда меняется медленно, то и изменения в культуре происходят почти безболезненно, хотя культурные конфликты существуют столько же, сколько и культура. Однако в условиях, когда внешняя среда меняется стремительно и вчерашняя культура, понимаемая как внутренняя основа технологии, становится неэффективной, возникает то, что специалисты называют «культурный шок»: невозможность отказаться от старой культуры, рассматриваемой как ценность, при достаточно ясном понимании ее непригодности. Возникает ненависть к этой новой действительности, овладеть которой с помощью старой культуры невозможно. Учитывая, что у любой социальной группы или народа всегда есть «хранители культуры», то есть индивиды или институты, оберегающие традицию, консервирующие культуру и защищающие ее от посягательств, понятно, что эта борьба между новым и старым в плоскости культуры приобретает нешуточный характер.

Происходит то, о чем говорил господин Дондурей: огромные средства тратятся на консервацию культуры, на превращение ее в музей, на сохранение неких традиционных образцов поведения хотя бы в быту (народные танцы, народные песни и пр.), а так называемый простой зритель во всем мире смотрит американское кино. И было бы очень

¹ <http://www.nasled.ru/analit/culture/culture5.htm>

² Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. (Изд. 2-е, испр. и доп.). М., Политиздат, 1968. 432 с.

наивно рассматривать сей факт как глобальную экспансию американцев. Просто американское кино демонстрирует некие эталоны жизненного поведения, более эффективные в современном мире, нежели те жизненные стратегии, которые запечатлены в национальной традиции.

Вряд ли нужно доказывать, что и Россия и мир за последние годы сильно изменились. Об этом написаны тысячи книг. И главный вывод большинства этих работ: все большее количество людей обретает возможность самоопределения, ибо наша жизнь освобождается от всех прежних локальных ограничений и нам открывается практически весь мир. Можно самореализовать себя в совершенно новых и гораздо более широких пространствах. Среди множества особенностей новой действительности можно назвать еще несколько.

1. Для того чтобы выжить, существовать и развиваться, современному человеку нет необходимости быть тесно связанным с другими людьми, исчезает проблема солидарности.

2. Исчезает прямая зависимость между уровнем относительного благополучия и степенью интенсивности усилий, прилагаемых для достижения этого благополучия. Другими словами, сильная социальная политика, присущая современным государствам, приводит к тому, что тот, кто много работает, и тот, кто работает кое-как, живут почти одинаково.

3. Некое предощущение исчерпаемости земных ресурсов напрягает подсознание современного человека, заставляет его рассматривать всех окружающих как потенциальных врагов.

Эти и другие обстоятельства существенно изменили метрику современной действительности и сделали практически бесполезной всю предыдущую культуру, которая формировалась в принципиально иных условиях. Ощущение недейственности предыдущей культуры вынуждает современного человека начинать поиск новых правил жизни. Сама по себе потеря прежних ориентиров уже приводит к стрессу, и одного этого стресса достаточно для повышения агрессии и нетерпимости. Вместе с тем, в ряде случаев культура агрессии и нетерпимости оказывается существенно эффективнее культуры солидарности.

Еще одна проблема заключается в том, что люди оказываются встроенными во все более всеохватную и быстродействующую коммуникационную сеть, располагая все меньшей возможностью лично влиять на объем циркулирующей в ней информации или темп быстрого действия, не говоря уж о том, чтобы их контролировать. Скорее наоборот: наша жизнь все существеннее определяется глобальной коммуникацией. «В современном коммуникационном обществе это наше отчуждение выражается во власти глобальных коммуникационных потоков над нами, то есть над отдельной личностью и в неспособности отдельной личности повлиять на глобальные коммуникационные потоки, оусуществить за ними контроль»³.

Охарактеризованное таким образом становление современного коммуникационного общества в корне меняет нашу жизнь. Результатом этих изменений в действительности стала непригодность старой культуры для оптимального или эффективного существования человека в новых заданных условиях. Идет поиск новых правил жизни. Понятно, что в этих условиях, культура ищет способы самообновления или приспособления к меняющимся условиям существования. Понятно, что само по себе существование в системе разрушения казавшихся незыблемыми и естественными правил человеческого общежития, вызывает глубокий стресс со всеми вытекающими последствиями.

³ Рихард Мюнх. Роль журналистики в коммуникационном обществе. <http://www.academy-go.ru/Site/JournalPR/Publications/RMunch.html>

Можно, конечно, гневаться, бросаться под колеса злополучной колесницы прогресса, но невозможно отменить тенденцию: весь мир приобретает новую глобальную культуру, надстраивающуюся над локальной, а иногда и замещающую, упраздняющую ее. Или, как сказано в уже цитированной статье: «Многообразие мира, в котором сосуществуют различные культуры знания, сменяется наличием единого центра знаний и периферии с ее филиалами, которые подключены к центру и снабжаются им запрошенными знаниями. В условиях глобального распространения знания из единого центра у локальных, региональных, национальных культур знания не остается шансов на выживание. Они теряют свое оправдание и выглядят рядом с высокоразвитым центром реликтом давно устаревшего, традиционного знания. То, что прежде было другим знанием, принадлежащим к иной культуре, ныне оказывается фальсификатом, пережитком, уцелевшим на периферии. “Видовое богатство” культур сокращается до нескольких систем знания, конкурирующих между собой в одном центре центром за право снабжать весь мир, любой периферийный уголок информацией о том, как надо строить жизнь, руководствуясь едиными критериями успеха»⁴.

Все это дает основание для вывода о том, что культура приобретает трехслойный характер. Нижний слой – традиционная местечковая культура, то есть культура города, в котором живет индивид, или культура социальной группы, или иная субкультура. Средний слой – то, что можно назвать общегосударственной культурой, в качестве которой выступает конгломерат ценностей и представлений, признание которых считается обязательным для гражданина определенного государства. Особенно наглядно специфичность этой культуры и ее отличие от так называемой национальной культуры проявляется в государствах типа российского, включающих в свой состав множество племен и народов.

Третий слой, возникающий у нас на глазах и становящийся все более мощным – так называемая глобальная американизированная культура: культура управления и информации, культура сникерсов и тампаксов, культура быстрого питания, однообразной мужской и женской одежды, мощных автомашин, совершенно не нужных на улицах современных городов и многого другого, что вызывает ужас у одних и восторг у других. В этих условиях человек должен приспособливаться не только к одной, но сразу к трем культурам.

Демократический транзит в России столкнулся с так называемой дилеммой одновременности. Изменения связаны с переходом от тоталитаризма к демократии, от индустриализма к информационному обществу, от закрытого общества к открытому обществу, от культурной гомогенности (национальная по форме, социалистическая по содержанию) к культурному разнообразию.

Должны быть преобразованы все стороны функционирования общества, включая детерминированные культурой склад ума и образ жизни, экономические основы и политика. В ходе общественной трансформации появляется задача преодоления институциональных, социальных и психических последствий его прежней деятельности.

Традиционные институты трансляции культуры – семья, школа – уже не справляются со своей культуроформирующей функцией. Предлагаемые этими институтами схемы жизнедеятельности оказываются явно неэффективными. Понятно, что в этой ситуации существенно возрастает значение средств массовой информации, которые и берут на себя функцию культурного образования индивида, оперативно предлагая ему многообразные технологии успешного поведения и эффективной деятельности. Поэтому с утилитарной точки зрения любое телевидение, любая газета и прочие СМИ для

⁴ Рихард Мюнх. Роль журналистики в коммуникационном обществе. <http://www.academy-go.ru/Site/JournalPR/Publications/RMunch.html>

действующего человека – это инструмент, с помощью которого он ориентируется в существующих «технологиях жизни»⁵.

Организуя отбор и трансляцию информации, СМИ формируют информационные потоки, которые существенно размывают архаичные стереотипы и во многом задают новые стандарты образа жизни, смыслов, ценностей, норм и мотивов социального поведения. Внешне это выражается в деструкции сложившихся канонов, что вызывает праведный гнев хранителей культуры.

Людей, которые думают, как цитировавший выше господин Татарников, много, очень много. И это значит, что на практике мы имеем сегодня глубочайшую драму. Драму каждого из нас, культур в целом, стран, народов и человечества в целом. Для того, чтобы принимать решение о том, как приспособливаться к действительности или как ее менять, мы должны знать, что собой представляет эта действительность, куда мы пришли со своими знаниями, ценностями, нормами. А что мы знаем о сегодняшней действительности? Только то, что мы ничего в ней ничего не понимаем? Единственное, что понимают большинство людей, что мир стал другим, и он совершенно непохож на тот, в котором формировалась наша тысячелетняя, двухтысячелетняя, трехтысячелетняя, а местами и пятитысячелетняя культура.

И возникает вопрос. Те знания, ценности, нормы, на основе которых наши пра-пра-прапредки и даже наши родители определяли свои жизненные схемы, жизненные матрицы, - они сегодня работают или нет? Есть основания полагать, что нет, не работают. Вся предыдущая культура отношений, ориентированная на общинное выживание за счет уничтожения соседней общины, или, в крайнем случае, на солидарное выживание за счет уничтожения иных, более далеких общин, себя исчерпала.

Возникает три варианта развития.

Первый вариант связан с тем, что я называю «социоцентрическая» культура, смысл которой в отчаянной защите «Наших» и противостоянии всем, кто «Не наши». По сути своей – это культура экстремизма, терроризма, и прочее. Но она дает иллюзию защиты от разрушительных влияний чуждых культур. И миллионы людей не только в России, в разных странах начинают к ней присматриваться.

Второй вариант культурного схематизма, культурной матрицы я называю «эгоцентрической» культурой. Это та американская культура, о которой говорил Дондурей. Она не исключительно американская, следы этой культуры есть где угодно. Здесь главное – «я» – в центре мира. Мир существует для того, чтобы я состоялся.

Третий вариант – культура диалога, культура толерантности.

Сегодня и каждый отдельный гражданин, и СМИ, и культура в целом стоят перед гигантским вызовом: по какому пути идти?

Слушая призывы, которые здесь уже звучали два дня: «Надо немедленно остановиться! Надо взять в свои руки этот процесс, надо во что бы то ни стало внедрять нравственность!», я сразу начинаю напрягаться: а какую именно нравственность? Феодалскую? Капиталистическую? Космоцентрическую? Кто возьмет на себя смелость сейчас сказать, какая технология жизни будет эффективней через 10 лет?

Может быть, эгоцентрическая лучше, учитывая повышающуюся исчерпанность человеческих ресурсов, учитывая всевозможные напряжения и страхи? Может быть, американцы не зря за нее так неистово цепляются? И, может быть, не зря первая тридцатка фильмов, которые смотрят люди во всех странах, это американские фильмы?

⁵ Другое дело, что так относится к медиа только человек, который реально принимает решения. А большая часть наших сограждан по моим подсчетам - до 70 процентов - никаких решений не принимает. Они живут, реагируя на те решения, которые принимает кто-то. Тогда медиа превращается в развлечение. Можно сто раз пересмотреть американские фильмы, где пропагандируется активность, самостоятельность и прочее, но ты при этом ничего не будешь делать. Ты не будешь принимать никаких решений. И никакие идеи в твое сознание не проникнут до тех пор, пока ты не станешь действующим субъектом.

Что мы можем на самом деле предложить взамен? Не в смысле развлечения, а в смысле ценностей и схем жизнедеятельности?

Теперь – проблема медиа. Что такое наши средства массовой информации и журналистика? Это – люди. Это 150 тысяч человек в России, которые зарабатывают себе на хлеб тем, что воспроизводят действительность или пытаются на нее влиять.

Не будем сейчас говорить об уровне образованности или социальной ответственности людей, определяющих содержание каналов массовой информации и не будем предъявлять к этим людям требований, соответствовать которым может только святой. Будем говорить о том, что мы знаем.

А знаем мы то, что тематика, образы, ценности, воспроизводимые в СМИ, практически никак не связаны с интересами аудитории. Объясняется это тем, что деятельность журналистов лишь в малой степени оплачена аудиторией. Но аудитория потребляет, а иногда с большим удовольствием ту продукцию, которую дают СМИ. Почему? Потому что 70 процентам аудитории глубоко плевать на то, о чем сообщают масс-медиа: «Ребята, о чем хотите, о том и сообщайте – я через минуту все забуду». Не надо переоценивать влияние СМИ на сознание людей. Аудитория выбирает из посланий СМИ только то, что считает нужным и все остальное отторгает, отталкивает от себя. Большинство наших сограждан капсулировались, замкнулись в своей скорлупе и пытаются сохраниться в совершенно неизменном виде. Они мечтают об одном: пережить. Не жить, не прожить, не добиться, а пережить эту полосу.

Знают ли об этом те, кто определяет информационную политику СМИ? Знают ли об этом журналисты? Знают, конечно. Но старательно уходят от обсуждения главных вопросов смысла профессии. И здесь возникает еще одна проблема, которую частично обозначил г-н Прохоров. У нас нет того, что можно назвать профессиональным журналистским сообществом. У нас нет института, который позволил бы спокойно размышлять над тем, что происходит и спокойно находить версии, условно говоря, корпоративного ответа на вызовы времени.

Нет механизма аккумуляции корпоративных интересов. Нет механизма аккумуляции корпоративных ответов. И уж тем более нет механизмов внутреннего корпоративного влияния на те или другие профессиональные ориентации.